

ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье, на основе анализа доктринальных, справочных нормативных и правоприменительных источников, исследованы явления «правовая позиция» и «политическая позиция». В качестве источниковой базы исследования послужили доктринальные и справочные материалы, международные договоры и соглашения, положения внутригосударственного права, а также акты международных и национальных юрисдикционных органов. Установлено отсутствие единообразного понимания правовых и политических позиций во внутригосударственных и международных официальных документах. Содержание правовой позиции в отечественной правовой системе зачастую связывается с результатами толкования норм права участниками судебного процесса. На межгосударственном уровне правовые позиции рассматриваются в качестве сформулированных правовых убеждений (системы правовых убеждений) отдельных субъектов, которые могут коррелировать или противопоставляться по отношению друг к другу. Политические позиции выражают отношение субъектов политики к различным элементам политической сферы, оценку соответствующих политических явлений и результаты выбора средств

и методов политической борьбы. Отмечено многообразие трактовок политических позиций в российском и международном праве, в решениях межгосударственных юрисдикционных органов в контексте права обозначить политическую волю, положения (статуса), политического отношения к институтам власти и источника информации о политической жизни. Выявлены противоречия в структуре правовых, политических и фактических позиций, которые могут быть рациональными и иррациональными, повторяя укоренившиеся особенности и дефекты в правосознания субъектов-носителей. Проведено соотнесение правовых и политических позиций в системе «форма» и «содержание». Определены продуктивные свойства и качества правовых и политических позиций, способных предупреждать (содействовать преодолению, разрешению) юридические и политические конфликты. Предложена классификация правовых и политических позиций по степени значимости на официальные, официозные и неофициальные.

Ключевые слова: правовые позиции, политические позиции, внутригосударственные отношения, международные отношения, юрисдикционный процесс.

Igor Kuzmin

LEGAL AND POLITICAL POSITIONS IN THE CONTEXT OF INTERNAL AND INTERNATIONAL RELATIONS

In the article, based on the analysis of doctrinal, reference normative and law enforcement sources, the phenomena «legal position» and «political position» are investigated. Doctrinal and reference materials, international treaties and agreements, provisions of domestic law, as well as acts of international and national jurisdictional bodies served as the source of the research. The absence of a uniform understanding of legal and political positions in domestic and international official documents was established. The content of the legal position in Russia is often associated with the results of the interpretation of the norms of law by the participants in the trial. At the interstate level, legal positions are considered as formulated legal beliefs (systems of legal beliefs) of individual subjects, which can enter into dissonance with respect to each other. Political positions express the attitude of the subjects of politics to various elements of the political sphere, assessments of the relevant political phenomena and the results of the choice of means and methods of political struggle. The author notes the diversity

of interpretations of political positions in Russian and international law, in the decisions of interstate jurisdictional bodies in the context of the right to designate political will, position (status), and political attitude to the institutions of power and as a source of information about political life. The study reveals contradictions in the structure of legal, political and factual positions, which can be rational and irrational, repeating the corresponding features and defects of legal consciousness of the subjects-carriers. Correlation of legal and political positions in the system "form" and "content" is carried out. The productive properties and qualities of legal and political positions that can prevent (assist in overcoming, resolving) legal and political conflicts have been determined. The classification of legal and political positions according to the degree of importance into official, semi-official and unofficial is proposed.

Key words: legal positions, political positions, internal relations, international relations, jurisdictional process.

Международная политическая и внутринациональная правовая системы подразумевают одновременное функционирование целого спектра политико-правовых феноменов, каждый из которых обеспечивает закрепление (статуту) и реализацию (динамику) разнообразных нормативных и индивидуальных положений. В последнее десятилетие в качестве одного из «движущих» международную практику явлений стали называть политические и правовые позиции, интегративное восприятие которых привело к появлению нового термина «политико-правовые позиции».

В целях определения содержания конструкта «политико-правовая позиция», обратим внимание на составляющие его элементы: **правовую позицию** и

политическую позицию. При этом мы будем ориентироваться, преимущественно, на официальные политические и правовые позиции.

В отечественном праве термин «**правовая позиция**» был впервые использован в ст. 73 (утратившей силу) Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ, применительно к принятым данным органом решениям, в которых эти позиции содержались. В ст. 29 рассматриваемого закона конкретизировано, что акты Конституционного Суда РФ выражают конституционно-выверенную правовую позицию судей. Ранее сформулированные Конституционным Судом правовые позиции могут также служить основанием для разрешения отдельных категорий дел без проведения слушаний (ст. 47.1 Закона). Как указал в своем постановлении

от 13.02.2020 г. № 8-П Конституционный Суд РФ, рамки его компетенции по рассмотрению жалоб предполагают необходимость судопроизводства только в тех случаях, когда без проверки конституционности закона нарушенные права и свободы не могут быть восстановлены, назвав соответствующее замечание правовой позиции. Г. А. Гаджиев высказался в том плане, что определяя конституционно-правовое содержание правовых норм посредством толкования, суд прибегает к юридической технике, именуемой «правовая позиция», под которой понимается отношение суда к определенной норме права [4, л. 8]. Позднее профессор уточнил свою точку зрения, указав, что под правовой позицией следует понимать «принцип решения группы юридических дел... Это своеобразные лекала, которые применимы и для разрешения других сходных дел» [5, л. 102]. В таком контексте может идти речь о признании судебного прецедента в России, против чего категорически возражают В. С. Нерсисянц и Б. С. Эбзеев. Вместе с тем, авторы проблемного комментария к Конституции РФ под редакцией В. А. Четвернина полагают, что авторитет казуального толкования, даваемого Конституционным Судом РФ, понуждает все остальные публичные органы и юридическую науку ориентироваться на правовые позиции, закрепленные в актах суда. То есть, фактически создаются прецеденты толкования, имеющие нормативную силу [11, л. 54]. Использование правовых позиций в правоприменительной деятельности осложняется тем, что ориентация органов, граждан и общественных объединений на достижение задач, стоящих перед гражданским обществом, требует специальной юридической подготовки и наличия у соответствующих субъектов широкого правопонимания [16, л. 31]. Потребность подобного «плюралистического» видения правовой действительности и отступления от однобокой ее интерпретации, по мнению Р. Р. Габилына, И. Н. Ключковской и Е. Н. Кониной, имеется во всех современных государствах (в особенности находящихся на перепутье) [3, л. 165]. Как верно установили А. М. Дроздова и Е. Г. Зинков, от типа правопонимания и согласованности его доминирующих аспектов непосредственно зависит содержание правового пространства и источники права [8, л. 29]. Между тем, рассматриваемый термин может иметь и иную словоформу: «позиция права» [12, л. 324].

Принятие (установление) правовых позиций, соответственно, является непрямым условием развития любого государства и правовой системы. Как сказано в ст. 78 Конституции Королевства Таиланд от 24.08.2007 г. [10, л. 789–912] государство принимает на себя обязанность действовать согласно политике государственного управления, в том числе – учредить судебный орган, формулирующий правовые позиции по деятельности государства, чтобы гарантировать действие принципа господства права.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что правовые позиции суды зачастую связывают с правовой квалификацией, проводимой не только Конституционным Судом РФ, но и Верховным Судом РФ. Например, в апелляционном определении Курганского областного суда от 15.01.2019 г. № 33-121/2019 правовой позицией был назван акт право-

вой квалификации, изложенный в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.09.2018 г. № 11-КГ18-17.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 г., термин «правовая позиция» употреблен в нескольких смыслах:

- в качестве позиции сторон (истца и ответчика) по конкретному судебному делу;
- толкования (правовой квалификации) конкретных положений закона самим Верховным Судом РФ в определении коллегии и постановлении Президиума;
- толкования конкретных положений закона самим Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики, утвержденном Президиумом;
- толкования конкретных положений закона самим Верховным Судом РФ в постановлении Пленума;
- толкования конкретных положений Конституции и (в соотношении с ней) федерального закона Конституционным Судом РФ.

Соответственно, под правовой позицией высший судебный орган понимает любое толкование норм права, отношение суда или стороны процесса к конкретным правовым и фактическим положениям, исходя из условий и обстоятельств определенной ситуации. В связи с этим правовые позиции могут иметь меньшую (в судебном решении) или большую (в постановлении Пленума) степень обобщенности и, соответственно, охватывать сферу, которая ограничивается обстоятельствами отдельного казуса или целой группой реальных и потенциальных юридически-значимых обстоятельств, отвечающих критерию нормативности. Формой закрепления правовых позиций могут быть разнообразные акты суда, выносимые в процессе правосудия и иных официальных видов деятельности. Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) признает возможность формирования правовых позиций также районными судами, судами субъектов, органами местного самоуправления (на что ЕСПЧ было обращено внимание в постановлениях от 24.06.2010 г., жалоба № 30141/04, от 25.11.2010 г. жалоба № 30251/03).

Неудивительно, что даже в специализированных работах [1, л. 56-57] авторы крайне осторожно высказываются о месте и роли правовых позиций в правовой системе, избегая категоричных индуктивных выводов.

В плане работы на 2020 г. (постановление от 25.12.2019 г. № 236/1756-7) Центральная избирательная комиссия Российской Федерации закрепила такое направление деятельности как подготовку правовых позиций ЦИК РФ по запросам различных органов власти. Согласно п. 3.3.2.2. Регламента Счетной палаты Российской Федерации (утвержденного постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 07.06.2013 г. № 3ПК) проекты документов, представляемые на подпись аудитором, руководителю аппарата (или его заместителю) Счетной Палаты РФ визируются директором Правового департамента в случаях, когда они содержат правовую позицию данного органа. В письме Федеральной налоговой службы России от 12.12.2019 г. № БС-4-21/25601 налоговым органам предлагается обосновать свою

правовую позицию на основе разъяснений Министерства финансов России (письмо от 11.12.2019 г. № 03-05-04-01/96698). Верховный Суд РФ напрямую признал право иных органов исполнительной власти (Правительства РФ, Минэкономразвития, Минюста РФ, ФСБ РФ, Росрыболовства и др.) формулировать правовые позиции в процессуальных документах (возражениях, пояснениях и т.д.) в решениях от 21.08.2019 г. по делу № АКПИ19-451, от 28.11.2019 г. по делу № АКПИ19-786, от 05.12.2019 г. по делу № АКПИ19-866, от 12.12.2019 г. по делу № АКПИ19-829 и в других. В приложении к приказу Федеральной антимонопольной службы России от 08.08.2019 г. № 1073/19 «Об утверждении методических рекомендаций» приведен пример запроса Генеральной прокуратуры РФ в ФАС России о выделении специалиста. Причем целью данного запроса является оперативное получение правовой позиции ФАС России по материалам прокурорской проверки. Согласно п. 36 распоряжения Министерства транспорта Российской Федерации от 10.10.2019 г. № ЕД-138-р ответы на запросы из Управления Президента России по работе с обращениями граждан и организаций могут предоставляться в виде информационных справок, документов, материалов и правовых позиций. В апелляционном определении Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25.07.2019 г. № АПЛ19-250 имеется ссылка на правовую позицию Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, изложенная в письме от 23.07.2019 г. № УПП/03879-ОБ» по вопросу толкования использованного в законе понятия «военная техника».

Упоминания о правовых позициях можно встретить и на международном уровне. Так, постановлением № 38-23 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 23.11.2012 г. был утвержден Словарь юридической терминологии для государств-участников, в котором термин «правовая позиция» получил свое официальное закрепление в международных отношениях. В ст. 2 Международной конвенции по поиску и спасанию на море 1979 года (заключена в Гамбурге 27.04.1979 г.) специально оговаривается, что ее положения не наносят ущерба настоящим или будущим притязаниям и правовым позициям любого государства по вопросам в морского права. В ст. 28 Типового согласительного регламента Организации Объединенных Наций для разрешения споров между государствами (принят 11.12.1995 г. Резолюцией 50/50 на 87-ом пленарном заседании Генассамблеи ООН) заинтересованным сторонам предписывается предохранять свои правовые позиции, воздерживаясь от преждевременных ссылок на вопросы, по которым не достигнуты договоренности. Кроме того, в документе упомянуты такие термины как «правовые соображения» и «фактологические соображения». Заметим, что в трех своих постановлениях от 17.11.2016 г., вынесенных по делам Поняева, Пчелинцева и Аленцева, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) наравне с правовой позицией использовал термин «фактическая позиция». Между тем в предшествующих актах ЕСПЧ данные понятия, по-видимому, не разграничивались. Например, в п. 38 постановления ЕСПЧ от 31.05.2016 г. по делу «Надтока (Nadtoka) против Российской Федерации» (жалоба № 38010/05) указано,

что Европейский Суд разделяет правовую позицию сторон в части целеполагания определенных действий, что является некорректным, так как здесь речь идет скорее о фактах, чем о правовых суждениях. В постановлении от 08 июля 2004 г. (жалоба № 48787/99) ЕСПЧ поднял вопрос о том, могли ли фактические обстоятельства, на которые ссылается государство, повлиять на правовую позицию об ответственности данного государства по Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. (Конвенция). Ранее в постановлении от 22.04.1997 г. (жалоба № 21830/93) ЕСПЧ учел в качестве подготовительной информации проблему разграничения научной и правовой позиции к транссексуалам. В постановлении от 02.03.2010 г. (жалоба № 61498/08) ЕСПЧ отмечает, что правовая позиция относительно смертной казни оказала влияние на ряд государств, в том числе обеспечила переход от фактической к юридической отмене этого вида наказания. В ст. 10 Регламента Суда Евразийского экономического сообщества по рассмотрению обращений хозяйствующих субъектов установлено, что судья-докладчик «перед выступлением сторон докладывает фактические обстоятельства дела и излагает правовую позицию по делу» (решение Суда Евразийского экономического сообщества от 22.05.2012 № 12).

Правовые позиции могут формулироваться как самим субъектом международного права, так и его структурными подразделениями. В частности, в постановлении ЕСПЧ от 15.10.2015 г. по делу «Набид Абдуллаев (Nabid Abdullayev) против Российской Федерации» (жалоба № 8474/14) была выявлена правовая позиция Комитета ООН против пыток, исходя из ранее принятых им решений.

В Директиве № 2019/1 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О представлении полномочий антимонопольным органам государств-членов ЕС в целях эффективного правоприменения и обеспечения надлежащего функционирования внутреннего рынка» (г. Страсбург 11.12.2018) говорится о правовой позиции правонарушителей. Указано, что решения компетентных должностных лиц о наложении штрафных выплат должно быть способны влиять на интересы правонарушителей и вызывать «явное изменение их правовой позиции».

В отдельных ситуациях международные организации воспринимают правовые позиции внутринациональных органов. К примеру, Комитет Министров Совета Европы в решении № CM/Del/Dec(2019)-1348/H46-25 (принято 04.06-06.06.2019 г. на 1348 заседании представителей министров) признал интересной правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, подтвердившую пропорциональность для дисциплинарных наказаний и исключительную природу увольнения с должности судьи.

«Рекомендации по установлению льготных режимов торговли для иностранных туристов и временных посетителей по системе tax free», принятые Постановлением № 48-13 на 48-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 29.11.2018 г. содержат призыв к парламентам государств – участников СНГ интегрировать в свое законодательство правовую позицию, касающуюся особого налогового режима для иностранных граждан.

В постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ № 47-5 от 13.04.2018 г. положительно оценено сближение правовых позиций и национальных законов стран в области межкультурного диалога.

В постановлении ЕСПЧ от 28.06.2018 г. (жалоба № 1828/06) говорится, что Конвенция должна применяться непосредственно и прямым образом на территории всех государств – участников конвенции в приоритетном порядке по отношению к внутреннему законодательству. И в этом отношении приветствуется сближение практики Страсбургского и Люксембургского судов и влияние их правовых позиций друг на друга в деле конституционализации европейского правопорядка.

Верховный Суд РФ в рамках контроля, осуществляемого Комитетом Министров Совета Европы над исполнением постановлений ЕСПЧ в России, подготовил документ «Универсализация правовых позиций международных правозащитных организаций», включающий правовые позиции Европейского Суда, изложенные в его постановлениях. Верховный Суд РФ неоднократно отмечал, что любые нормы конвенции следует толковать в соответствии с правовой позицией ЕСПЧ. Такой подход был изложен, в частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Исходя из содержания приложения № 3 к приказу Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.10.2019 г. № 246 следует, что основанием для внесения в учетно-статистическую карточку на уголовное дело соответствующей записи является поступление дела в связи с правовой позицией ЕСПЧ. В свою очередь в постановлении от 24.03.2016 г. (жалоба № 51445/09) ЕСПЧ признал возможность обычных судов формулировать правовые позиции, направленные на обеспечение эффективности законов, отвечающих положениям Конвенции (в этом качестве они выступают судами Конвенции).

В п. 5.1. выводов решения Суда Евразийского экономического союза от 31.10.2019 г. № СЕ-1-2/6-19-АП прямо установлено, что Суд при рассмотрении дел в качестве дополнительных средств уяснения содержания правовых норм принимает широкий круг источников, включая правовые позиции, выработанные Судом в своей практике. Причем Суд может излагать свои правовые позиции не только в решениях, но и в иных актах, например консультативных заключениях (п. 3.2 консультативного заключения Суда Евразийского экономического союза от 31.10.2019 г. № СЕ-2-2/4-19-БК), или выделяя позиции по тексту (как это было сделано в решении Суда Евразийского экономического союза от 03.03.2016 г. по делу № СЕ-1-2/2-15-КС). Некоторые акты Суда содержат особые мнения судей, в которых правовые позиции также излагаются (например, в консультативном заключении Суда от 18.06.2019 N СЕ-2-1/2-19-БК).

В своем обзоре судебной практики по делам о толковании международных договоров и других актов Содружества о пенсионном обеспечении за период с 1995 по 2016 годы и решениях от 21.03.2017 г. № 01-1/3-16, от 26.11.2015 г. № 01-1/2-15 Экономиче-

ского Суда СНГ последний отметил, что при толковании норм он учитывает собственные правовые позиции, сформулированные ранее. Данный подход характерен для большинства международных юрисдикционных органов, включая и ЕСПЧ (постановление ЕСПЧ от 08.12.2016 г., жалобы N 37198/09, 27269/10, 29657/10, 35655/11, 46902/11, 63660/12, 14181/15 и 39024/15).

В связи с изложенным, следует признать справедливость мнения Н. А. Власенко, который рассматривает правовую позицию в контексте оценки фактической реальности и системы аргументов, выводов и предложений по ее правовому урегулированию. Это логико-юридическая конструкция, выражающая отношение к правовой реальности [2, л. 299]. Вместе с тем правовая позиция, будучи результатом правового сознания, может отражать как рациональное, так и иррациональное (эмоциональное, инстинктивное, интуитивное и пр.) содержание правосознания ее создателя [7, л. 77].

Обобщая обозначенные выше доктринальные и официальные подходы по вопросу понимания правовой позиции, мы приходим к следующим выводам:

- правовая позиция – универсальная правовая категория, которая может быть использована применительно к регулированию и характеристике внутригосударственных и международных отношений;
- правовые позиции выражают юридически обоснованное (аргументированное) отношение тех или иных субъектов права к фактическим и/или правовым обстоятельствам;
- правовые позиции возникают (формулируются) в ходе правоинтерпретационного процесса (толкования права) и имеют значение для создания правоположений (правотворчества), разрешения различного рода и вида дел (правоприменения), правореализации в целом;
- правовые позиции излагаются в любых правовых документах, включая международные (нормативные) договоры и соглашения, нормативные и индивидуальные правовые акты, а также иных документах (включая рекомендательные и содержащие нормы «мягкого права»);
- правовые позиции могут быть официальными (обладать юридической силой и регулировать общественные отношения) и неофициальными (не обладать таковой, носить информационный или промежуточный характер);
- официальные правовые позиции взаимодействуют между собой, складываясь в определенную систему, в которой более «свежие» правовые позиции зачастую появляются на основе прежних, вступают в горизонтальные и вертикальные связи, порождая различные правовые последствия при обращении к ним (могут полностью или частично отменять / приостанавливать действие друг друга);
- официальные правовые позиции могут содействовать преодолению правовых коллизий и восполнению пробелов в системе права, служить в качестве средств правового регулирования.

Понятие «**политическая позиция**» также не имеет своей единообразной трактовки, обладает объемным содержанием и рассматривается в различных контекстах.

В политологическом словаре под редакцией М. Г. Штракса политическая позиция упоминается в

качестве структурного элемента политической культуры [6, л. 30]. В словаре А. А. Мустафина политическая позиция, опирающаяся на какую-либо концептуальную основу общего характера, именуется политической платформой [13, л. 96]. Словарь по политологии под редакцией В. Н. Коновалова уделяет особое внимание политической позиции в качестве структурного элемента политического диалога, с которым нужно бороться (если это политическая позиция противника), и который нужно защищать (если это собственная политическая позиция) [15, л. 66–67].

А. О. Зиновьев заметил, что любая политическая позиция выражает социальную позицию субъекта «в том смысле, что образуется из последней в поле политики и зависит от социальной позиции...», кроме того, она существует только в поле политики и определяется по отношению к другим позициям в этом поле [9, л. 135].

Обзор обозначенных выше и ряда иных научных и справочных изданий позволил выявить несколько смыслов термина «политическая позиция»:

- отношение субъектов политики к различным элементам политической сферы;
- оценка субъектами политики различных политических явлений, а также подход к решению проблем общественно-политического развития;
- осознанный выбор субъектами политики средств и методов деятельности в политической сфере.

Сказанное в равной степени относится и к официальным трактовкам политических позиций. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 28.02.2012 г. № 4-П орган конституционного контроля отмечает, что основу современной парламентской структуры составляют депутатские фракции, которые позволяют депутатам объединиться, сформировать и коллективно отстаивать свою политическую позицию, облегчая работу законодательного органа и делая ее ход предсказуемым. В ст. 3 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» от 19.07.1998 г. № 114-ФЗ указано, что целью такого сотрудничества также является укрепление военно-политических позиций Российской Федерации в различных регионах мира.

Концепция государственной антинаркотической политики Российской Федерации (утвержденная ранее существовавшей Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков 16.10.2009 г.) исходит из необходимости усиления многопланового взаимодействия по линии ОДКБ, СНГ и ШОС, в том числе – выработке согласованных политических позиций по наиболее важным вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков.

В прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 год и плановый период 2013–2014 годы, разработанный Минэкономразвития отмечается, что обновление и развитие спутниковых систем связи и государственного вещания создаст условия для укрепления экономических и политических позиций Российской Федерации на международном рынке телекоммуникаций.

В своих актах ЕСПЧ неоднократно употребляет термин «политическая позиция» в разных отношениях:

- как право обозначать свою политическую волю гражданином;
- как положение того или иного органа (должностного лица), депутата или политического объединения в политической сфере;
- как вмененное (не соответствующее истине) политическое отношение лица к институтам власти;
- как источник информации о политической жизни.

В силу ст. 29 Договора о Европейском Союзе (Подписан в г. Маастрихте 07.02.1992) Совет, как высший орган ЕС принимает решения, определяющие позицию Союза по отдельным вопросам географического или тематического характера. Государства-члены следят за соответствием своей национальной политики позициям Союза.

С учетом вышеизложенного, и опираясь на традиционный подход к восприятию правовых и политических позиций в официальной юридической практике, мы приходим к выводу, что их в целом нужно различать. Так, ст. 29 упомянутого ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» определяет, что акты КС РФ выражают конституционно-выверенную правовую позицию суда, свободную от политических пристрастий. Согласно положениям ст. 16 Модельного закона о статусе уполномоченного по правам человека (принят 04.12.2004 г. постановлением 24-7на 24-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) установлено, что решения уполномоченного «выражают свободную от политических пристрастий правовую позицию, соответствующую конституции государства, его международным договорам, общепризнанным принципам и нормам международного права».

Несмотря на приведенные положения, мы не можем отрицать тот факт, что принятие (санкционирование) любой правовой нормы – это результат проявления политической воли субъекта, который занимает официальное положение и наделен соответствующими властными полномочиями. В. Д. Перевалов справедливо отмечает, что нормы права испытывают на себе идеологическое воздействие, истоки которого лежат в политических учениях и, порой, конституируют (оформляют в праве) массовые, политические отношения [14, л. 14–15]. Любое правоустановление несет в себе определенную долю конкретной политической позиции, проявившей себя как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения (правореализации).

Конституционный Суд РФ в постановлении от 12 апреля 1995 г. № 2-П отметил, что в ситуации, при которой высшие органы государства, избегая принятия решений, могут попытаться решать политические вопросы через толкование Конституции РФ Конституционным Судом РФ, последний может быть вынужден высказать политическую позицию для предотвращения политического конфликта.

Очевидно, что политические и правовые позиции имеют единое родовое понятие – социальные позиции, предопределенные сложившимися в обществе обстоятельствами и опирающиеся на условия собственной жизнедеятельности разнообразных участников общественных отношений.

На уровне международных отношений, в условиях геополитической и иной борьбы, основные их

участники – государства и международные организации выстраивают межсубъектное взаимодействие, руководствуясь исключительно своими политическими интересами, опираясь на соответствующие политические позиции. В тех же случаях, когда эффективность проявления политической позиции может быть усилена правовой формой – ее облачают в рамки конкретного правового документа, принятого в ходе международного юрисдикционного процесса и она приобретает характер политико-правовой позиции (международного договора, резолюции международной организации, одностороннего акта государства по отношению к другому и т.д.). При этом мы не отрицаем саму возможность существования собственно-правовых позиций в тех вопросах, где у субъектов нет собственной политической заинтересованности (ангажированности), в частности – вопросах регулирования отдельных, как правило, второстепенных (незначимых) процедур, не способных повлиять на итоговое решение.

Обобщая изложенное, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, формулирование и установление политических и правовых позиций является непрерывным условием развития международной правовой системы и систем национального права, поскольку они отражают динамику разнообразных нормативных правовых и индивидуальных правовых положений.

Во-вторых, термин «правовая позиция» получает свое закрепление в нормах действующего законодательства и широко используется в актах применения права. В конструкте правовой позиции могут объединяться позиции участников юридического процесса, толкование (квалификация) ими отдельных норм права, отражающие отношение субъектов правовой деятельности к правовым и фактическим положениям конкретной или абстрактной ситуации.

Функциональные особенности правовой позиции и ее влияние на государственно-правовую действительность можно проследить в многочисленных нормативных документах и актах судебных и внесудебных органов. Большая часть правовых позиций имеют политическое основание, а часть из них – политически ангажирована, что не исключает возможность существования собственно-правовых позиций, свободных от явного политического содержания.

В-третьих, политическая позиция выражает социальную позицию участника политических отношений, основанную на субъективной оценке данным субъектом обстоятельств сложившейся ситуации. В политической позиции может получить свое отражение видение перспектив развития (изменения) политической ситуации, включая методы и средства воздействия на нее. Использование термина «политическая позиция» в официальных источниках и судебной практике также указывает на наличие у него юридически-значимых характеристик. При этом возможно формулирование и постановка политических позиций, не имеющих отношения к праву.

В-четвертых, политико-правовая позиция – условный термин, обозначающий явно выраженную политическую позицию, оформленную в правовом акте (нормативном или индивидуальном) и являющуюся частью определенной ситуации, полностью или частично урегулированной нормами международного и (или) внутринационального права.

В-пятых, предлагается признать для целей практики дифференциацию правовых и политических позиций на официальные (обладающие юридической силой и сформулированные компетентными субъектами), официозные (сформулированные по поручению компетентных субъектов для совершенствования профессиональной деятельности) и неофициальные (не обладающие юридической силой, формулируемые любыми субъектами).

Литература

1. Беляков А. А., Чердаков О. И. К вопросу о правовых позициях в российской правовой системе // Юридическая мысль. 2010. №2. С. 54–58.
2. Власенко Н. А. Теория государства и права. Научно-практическое пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм обучения. М.: Юриспруденция, 2009. 424 с.
3. Габрилян Р. Р., Клюковская И. Н., Кониная Е. Н. Правовой плюрализм: от генезиса теоретической концепции к реализации в современных условиях // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. №4. С. 161–167.
4. Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 1997. №3. С. 3–15.
5. Гаджиев Г. А. Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права / Б.Н. Топорин, Э. Серверэн, К. Гюнтер [и др.]. М.: Юрист, 2000. 224 с.
6. Дейшле В. А., Лобжанидзе А. А. Политология: терминологический словарь / под ред. М.Г. Штракса. М.: МАДИ, 2012. 79 с.
7. Демченко Т. И. О целостном понимании правосознания // Право и образование. 2011. №9. С. 70–79.
8. Дроздова А. М., Зинков Е. Г. Коллизионное единство и многообразие феномена «правопонимание» // Юридический вестник ДГУ. 2013. №1. С. 25–31.
9. Зиновьев А. О. Роль дискурса в организации политических позиций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т.6. №4. С. 130–145.
10. Конституции государств Азии. В 3 т. Том 3. Дальний Восток / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Норма, 2010. 1040 с.
11. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / [кол. авт.]; отв. ред.: В.А. Четвернин. М.: [б. и.], 1997. 702 с.
12. Ллойд Д. Идея права / пер. с англ. М.А. Юмашевой, Ю.М. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев. Изд. 5-е. М.: КНИГО-ДЕЛ, 2009. 376 с.
13. Мустафин А.А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: Изд-во: АГТА, 2012. 168 с.
14. Перевалов В.Д. Норма права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. №5. С. 10–19.
15. Словарь по политологии / под ред. В.Н. Коновалова. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2001. 285 с.
16. Смирнов Д.А. О понятии принципов права // Общество и право. 2012. №4. С. 29–37.

References

1. Belyakov A. A., Cherdakov O. I. K voprosu o pravovyh pozitsiyah v rossijskoj pravovoj sisteme (*On legal positions in Russian legal system*) // YUridicheskaya mysl'. 2010. No. 2. P. 54–58. (In Russian).
2. Vlasenko N. A. Teoriya gosudarstva i prava. Nauchno-prakticheskoe posobie dlya samostoyatel'noj podgotovki studentov vsekh form obucheniya (*Theory of State and Law. Scientific and practical guide for self-preparation of students of all forms of education*). Moscow: YUrisprudentsiya publ., 2009. 424 p. (In Russian).
3. Gabrilyan R. R., Klyukovskaya I. N., Konina E. N. Pravovoy pyuralizm: ot genezisa teoreticheskoy koncepcii k realizacii v sovremennyh usloviyah (*Legal pluralism: from the genesis of theoretical concept to implementation in modern conditions*) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2019. No. 4. P. 161–167. (In Russian).
4. Gadzhiev G. A. Pravovye pozitsii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii (*Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation*) // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 1997. No. 3. P. 3–15. (In Russian).
5. Gadzhiev G. A. Fenomen sudebnogo precedenta v Rossii (*The phenomenon of judicial precedent in Russia*) // Sudebnaya praktika kak istochnik prava / B.N. Toporin, E. Serveren, K. Gyunter [etc.]. Moscow: YUrist publ., 2000. 224 p. (In Russian).
6. Dejshe V. A., Lobzhanidze A. A. Politologiya: terminologicheskij slovar' (*Political Science: Terminological Dictionary*) / M. G. Shtraksa [ed.]. Moscow: MADl publ., 2012. 79 p. (In Russian).
7. Demchenko T. I. O celostnom ponimanii pravosoznaniya (*On holistic understanding of legal consciousness*) // Pravo i obrazovanie. 2011. No. 9. P. 70–79. (In Russian).
8. Drozdova A. M., Zinkov E. G. Kollizionnoe edinstvo i mnogoobrazie fenomena «pravoponimanie» (*Conflict of unity and diversity the phenomenon of legal comprehension*) // YUridicheskij vestnik DGU. 2013. No 1 P. 25–31. (In Russian).
9. Zinov'ev A. O. Rol' diskursa v organizacii politicheskikh pozitsij (*The role of discourse in the organization of political positions*) // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2003. Vol. 6. No. 4. P. 130–145. (In Russian).
10. Konstitucii gosudarstv Azii (*Constitutions of Asian states*). In 3 vol. Vol. 3. Dal'nij Vostok / ex. ed. T.YA. Habrieva. Moscow: Norma publ., 2010. 1040 p. (In Russian).
11. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Problemnyj kommentarij (*Constitution of the Russian Federation. Problematic comment*) / ex. ed. V. A. CHetvernin. Moscow, 1997. 702 p. (In Russian).
12. Lloid D. Ideya prava (*Idea of law*) / transl. M.A. YUmashevoj, YU.M. YUmasheva; scien. ex.. YU.M. YUmashev. Izd. 5-e. Moscow: KNIGODEL publ., 2009. 376 p. (In Russian).
13. Mustafin A. A. Politologiya: slovar' sovremennyh terminov i vyrazhenij (*Political science: a dictionary of modern terms and expressions*). Angarsk: AGTA publ., 2012. 168 p. (In Russian).
14. Perevalov V. D. Norma prava: problemy ponimaniya i opredeleniya (*Legal norms: the problems of understanding and definition*) // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. No. 5. P. 10–19. (In Russian).
15. Slovar' po politologii (*Dictionary of Political Science*) / ed. V. N. Konovalov. Rostov-on-Don: RSU publ., 2001. 285 p. (In Russian).
16. Smirnov D. A. O ponyatii principov prava (*On the concept of the principles of the right*) // Obshchestvo i pravo. 2012. No 4. P. 29–37. (In Russian).

Сведения об авторе

Кузьмин Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Иркутск) / grafik-87@yandex.ru

Information about the author

Kuzmin Igor Aleksandrovich – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk) / grafik-87@yandex.ru